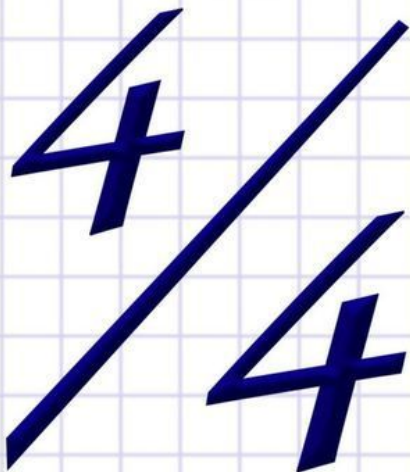

АЛЕКСАНДР ТРАВНИКОВ

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Александр Травников

Четыре четверти. Книга третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21995290

ISBN 9785448335754

Аннотация

«Четыре четверти» – третья книга рассказов Александра Травникова. Такое название нового сборника рассказов выбрано потому, что все они разбиты на четыре главы. В каждой – близкие по теме зарисовки с натуры. Как сказал сам автор книги, если кто и узнает себя в ней, то не верьте своим глазам. Не угадали. Все образы собирательные, обобщенные. Персонажи только похожи на реальных людей. Ситуация и сюжеты почти не выдуманные. Но только почти. Просто жизнь еще интереснее.

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Нищие хроники	8
Аристократ попрошайек	8
Сто лет по копеечке	12
По цене медного лома	17
Могли бы и мимо проехать	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Четыре четверти

Книга третья

Александр Травников

Иллюстратор Александр Игоревич Травников

© Александр Травников, 2017

© Александр Игоревич Травников, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-3575-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Четверть – это одна четвертая чего-нибудь. Известно много чего, чем может быть четверть. Например, мерой или единицей времени. Припомните. Спрашивают вас: который час? А вы отвечаете: четверть первого. Или без четверти полдень.

Четверть может быть единицей длины, массы, объема и площади. Или, например, даже четвертушкой, это когда говорят о пузырьке с русским национальным напитком по малым поводам и праздникам. При Иване IV Грозном – царе русском четверть – это части, на которые всего-то и делилось государство Московское. В советские времена понятие «четвертак» имело отношение к деньгам. Это или 25 рублей, или 25 копеек. Или, к примеру, четверть – это всего четвертая часть листа бумаги, четвертинка. Еще понятие четверти есть в музыке и в школьном учебном процессе. Да и мало ли где еще, где можно что-то поделить на четыре. Хлеб, например.

Вот и в этой моей новой книге рассказов есть четыре четверти, или четыре главы, которые составляют единое целое. Книгу этих самых рассказов. Чтобы удобнее было читать. К примеру, не всю книгу целиком, а по частям. При этом каждая четвертая часть книги имеет свое название, свой подзаголовок. Чтобы не только удобнее было читать, но и выбирать, про что читать. Должна же соблюдаться свобода выбора. Ведь выбор всегда должен быть. Выбор автора, выбор

читателя, выбор книги, выбор рассказа.

Эта книга моих рассказов уже третья. Чуть раньше вышли «Пятница, 13» и «Зеленые кипарисы». Таким образом, получается уже трилогия. Но, наверное, это еще не все. Пока готовилась к изданию эта книга, появились новые рассказы. Так что быть ли пятикнижию, не знаю, а вот то, что будет четвертая книга рассказов – вопрос практически решенный. Осталось выбрать из того, что написано. Систематизировать. Кое-что переписать. Кое-что подправить. А может, даже и дописать, дополнить.

Предыдущие книги моих рассказов разошлись среди читателей достаточно быстро. Многие просили написать продолжение и даже настаивали, чтобы я не останавливался на достигнутом. Предлагали свои сюжеты из жизни. Рассказали свои истории. Некоторые изложили свои версии того, что прочитали. Причем так, будто это и в самом деле происходило именно с ними, а не с кем-то другим. И потому я решил продолжить.

Тем более что мне как автору, после того как книги вышли из печати, пришлось столкнуться с интересным феноменом. Многие узнавали в героях рассказов себя или своих знакомых. Но, если честно, ни один прототип конкретного рассказа не признал в его герое самого себя. Я-то знаю, кто главный герой рассказа, вернее, кто прототип этого персонажа, а он ни при каких условиях не признает, что он – это он.

Еще один интересный момент с этими рассказами. Ведь

они лишь литературный вымысел. В книгах много чего вымышленного, надуманного. Это не научная работа по физике или математике. Однако пришлось столкнуться с тем, что некоторые читатели во все происходящее поверили буквально. Не в образ, так сказать, и не в явление нашей жизни, а в конкретный факт или рецепт действия. Эта книга рассказов не кодекс и даже не свод законов и правил. Это простые зарисовки с натуры. Причем с максимальным стремлением автора сохранить колорит времени, цвет и запах событий. Ведь литературный рассказ – это нечто среднее между сказкой и хроникой того, что уже произошло. И потому нельзя требовать от писателя в рассказе, чтобы к нему прилагался еще и протокол событий. Тем более что даже протокол еще не истина в последней инстанции. И если в деле с протоколом последнюю точку ставит суд, то в случае с литературным произведением последнюю точку всегда ставит читатель, который и выносит окончательный вердикт. У читателя всегда есть выбор. Он прост: читать или не читать? Ну и так далее. Потому буду ждать вашего выбора. На этом пока прощаюсь с вами. Приятного чтения.

С уважением Александр Травников

7 января 2016 года

Часть I. Нищие хроники

Аристократ попрошайек

Никто и никогда не смог бы угадать профессию, которая кормит его уже почти двадцать лет. И он старался, чтобы так оно и было. Но, как известно, все тайное рано или поздно становится явным. И прокололся он на мелочи. В буквальном смысле этого слова. На копейках. Уже два десятка лет в рваной одежде и с палочкой он работал, хромая на перекрестке. На работу он выходил рано. Часов в восемь. И работал до самого вечера. Пока не стемнеет. Особенно результативными были часы пик, когда машины стояли на светофоре. Он обходил каждую и, протягивая руку, безмолвно просил подать. И подавали. За многие годы он примелькался настолько, что стал неотъемлемой достопримечательностью этого перекрестка. И если спросить тех, кто каждый день проезжал этот перекресток и регулярно подавал просящему мелочь, как он выглядел, то любой бы затруднился это сделать.

Точно так же, как если внезапно спросить человека о том, как выглядит забор, мимо которого он ходит. Забор и забор себе. Чего заморачиваться? Так и с нищим. Нищий – он и есть нищий. Чего напрягаться, запоминать, память на-

прягать? Дал денег, и забыл. Вперед, по своим делам. Время от времени появлялись конкуренты. Но они не выдерживали работы именно в этом месте. Дороги узкие. Сильно не развернешься. Водители на незнакомых побирушек реагируют по-разному. В общем, наш герой побеждал конкурентов терпением и проворностью. Он уже знал, кто даст, и опередить его с такими знаниями именно этого перекрестка было невозможно. Вернее, убыточно. Подчищал подчищую. После него просить было нечего.

Отработает наш герой смену – и исчезает. В буквальном смысле исчезает. Был нищий – и исчез. Совсем исчез. Как в воду канул. И так быстро исчезал, будто его никогда и не было. Впрочем, и появлялся точно так же неожиданно. Иногда наш герой исчезал на пару дней. А иногда и на месяц. Но с погодой все его исчезновения никак не были связаны. Мог появиться в лютый холод и гололед. А мог пропасть в прекрасный весенний предпраздничный день, когда люди особенно добры и пробки особенно длинные.

А истина всплыла случайно. Шел один любопытный по городу. А возле перекрестка разбросано множество монет. По копейке, по пять копеек. Он и не поленился, собрал. Денег хоть и немного, но человеческий труд все-таки. Да и уважение к каждой копейке. Ведь пока копейка в ходу и пусть на нее ничего не купишь, но порядок есть порядок. А когда порядок, какой кризис? Собрал прохожий горсть копеек серебристых, а тут мимо дворник проходит. Говорит:

– Вот спасибо. Помог. А то новые русские деньгами разбрасываются. Ездют тут на «мерседесах». Совсем деньги не уважают.

Разговорились. И вот что оказалось. Дворник рассказал. Открываются ворота в общий двор. А ворота автоматические. С пульта открываются. Выезжает из них черный новый огромный «мерседес». Открывается окно. Из окна высовывается рука с золотыми часами на массивном золотом браслете. Разжимается кулак, и на асфальт летит куча серебра – по копейке и по пятерке.

– Первый раз такое вижу. Вот буржуи. Я тут второй день работаю. И такое первый раз встретил. Жируют, гады. Молодец, что собрал. Тоже из работяг будешь? Я-то вот на пенсию пошел и решил подзаработать.

История обещала быть интересной. И, чтобы не утомлять читателя деталями, сразу расскажу, что удалось выяснить. Когда-то в этом дворе с автоматическими воротами жила семья инженеров. У них был сын. Тоже на инженера выучился. Даже поработал немного. А потом, когда родителей не стало, он исчез. Хотя остались небольшая квартирка во дворе в наследство и большой гараж. Куда делся, никто не знает.

Но однажды появился на перекрестке нищий в лохмотьях. Этот нищий и был тот самый инженер и сын инженеров. Оказалось, что живет он в особняке на окраине города. Очень богатый человек. Ходит только в костюмах в галстук. За границу регулярно на отдых выезжает. И каждое

утро ездит на работу. Вскрылась и вторая жизнь аристократа нищих. Приезжает он утром к воротам. Открывает с пульта. Заезжает во двор. Загоняет машину в гараж. Идет в дом. Переодевается. И через пятнадцать минут выходит из калитки в воротах нищий. А вечером входит в калитку нищий. Идет в дом. Моется. Переодевается. Выгоняет «мерс» из гаража – и едет чинно домой настоящий новый русский в костюме и галстук. Как раз, когда пробки исчезают.

Так бы никто и не знал, как на самом деле обстоит дело с этим нищим. Только отношение к копейке его выдало. А еще был случай, когда в городе началась реконструкция. Весь квартал хотели снести и застроить небоскребами и торговыми центрами. Все и снесли. А этот захолустный уголок квартала почему-то не тронули. Заколдованным он оказался. Рассказ написан в день российского предпринимательства. Но это совпадение случайно. И, как сказал сегодня Президент России, сакрального значения это не имеет.

26 мая 2015 года

Сто лет по копейчке

Деревья на тихой улочке в старом центре города смыкались кронами прямо над дорогой и образовывали тень и сумрак в самый жаркий летний день. Посередине квартала стоял трехэтажный дом. В нем находилась обыкновенная булочная. На пороге магазинчика сидела нищенка. Рядом торговали семечками. Три копейки – маленький стаканчик, пять копеек – большой граненый стакан.

Была середина 60-х. Мы жили в своем доме буквально в тридцати метрах от этого дома, и бабушка регулярно отправляла меня в магазин. То за молоком, то за половинкой хлеба, а иногда и за мороженым. Эта нищенка была настоящей профессионалкой. Она брала копейки. Всегда вежливо всех благодарила. А так как все друг друга в округе знали, то всегда давали ей не только деньги, но и продукты. И она никогда не отказывалась ни от чего.

Время от времени ее заменял муж. Он был таким же тихим и осторожным. И, несмотря на наличие тоталитарного коммунистического режима, ни нищих, ни торговцев семечками никто и никогда не трогал. И даже участковый мог купить стакан семечек и подать нищей когда копейчку, а когда и копеек десять, а то и двадцать. Что по тем временам было вполне даже много.

Сколько себя помню, столько она, эта нищенка, сидела

на том самом месте. Говорят, она сидела здесь всегда: и при Брежневe, и при Хрущеве, и при Сталине, и в Гражданскую, при красных, при белых, при царе. А некоторые злые языки поговаривают, что это место досталось ей по наследству от родителей, которые даже при царе Александре III собирали пожертвования. А определил их туда городской с благосклонного позволения жившего по соседству казачьего атамана, который никак не мог отказать соседям в простой просьбе. И говорят, что они всегда всем приносили удачу. Слухи, конечно, но все верили. И потому нищенку не обижали. Даже деньгами.

Жила эта нищенка с мужем неподалеку, прямо на углу квартала. В покосившемся саманном доме, с другой стороны которого жил герой Гражданской и участник «Железного потока», шокировавший всех на революционных праздниках, приходя на парады с орденом Красного Знамени на винте, Георгиевскими крестами за Первую мировую войну и просто орденами за Вторую с немцами.

Был у них с мужем за покосившимся забором даже небольшой, заросший травой участок земли со старыми фруктовыми деревьями. Но время берет свое. Вначале умер муж нищенки. Всем кварталом помогали с похоронами. А потом и нищенка умерла. И снова квартал собрался и похоронил. Советская власть, правда, помогла. Но несильно. Чисто организационно. И дом оказался заброшен.

Сначала в заборе образовался проход. Потом калитка

странно покосилась, так что любой желающий без особых усилий мог пройти на участок. Потом стекла в дом почему-то побились сами по себе. А скоро и дверь в дом отвалилась. Дом со временем ушел на треть в землю. Саманные стены, которые перестали ежегодно белить, обнажили камыш. И первыми, естественно, в брошенный дом проникли мы, мальчишки.

Конечно, мы были не первыми. Были и более продвинутые товарищи всегда. Но в нашем представлении богатство, которое нам досталось из старого полосатого матраца и перьевых подушек, было настоящим. И матрац, и подушки нищих хозяев дома были набиты множеством бумажных денег различных времен и номиналов. Весь двор и квартал получили в свое распоряжение коллекции всевозможных бумажных денег, существовавших на территории бывшей Российской империи и СССР.

Правда, актуальных купюр не было. Но это, наверное, потому, что нас кто-то опередил, более прагматичный и деловой. Больше всего, конечно, было керенок. Целые листы, из которых мы вырезали ножницами требуемое количество купюр для размена. А потом я уехал жить в другое место. И вот, вернувшись в город, встретил своего товарища по детским играм в банки¹ и в войнушку во дворе. И рассказал Са-

---

¹ Игра в банки – городской вариант игры в городки, только вместо бит – дубинки, которыми можно было разбивать кон, кидая их с разных дистанций. На кон ставилась одна или несколько простых жестяных банок, которые нужно было выбить броском или ловким ударом. Кон охранял один из игроков, против кото-

нек мне совсем удивительную историю.

Еще в наше время, когда собрались снести старый саманный дом и стали рыть котлован на месте дворика, были сделаны интересные находки, которые остались в памяти всех окрестных жителей. Уже с первой лопаты звякнула крышка железной кастрюли, потом другая, третья. Выкопали железную часть керосиновой лампы без фитиля, железную коробку из-под дореволюционных конфет. А на месте бывшего деревянного туалета выкопали ящик сгнивших в агрессивной среде гранат и поржавевший напрочь пистолет системы Наган.

А теперь опиши находок. Именно она впечатляет. Каждый сосуд или кастрюля, закопанные во дворе, были наполнены своим собственным содержанием. В одном – царское серебро. В другом – серебряные советские полтинники. Отдельно хранились медяки: царские и советские. Зато в керосиновой лампе, подобно волшебной лампе Аладдина, хранились золотые советские «сеятели». А в коробке из-под конфет – золотые монеты с венценосными ликами разных номиналов. Все это собиралось профессиональными нищими более ста лет. Сегодня за эти сокровища не пожалел бы никаких денег любой нумизмат. Да и по весу золота это много. Очень много. Это были настоящие сокровища.

И вот что интересно. Владельцы богатств бережно, по гро-

рого играли все по очереди. Проигравший менялся с игроками своим местом на страже банок.

шку собирали все это и прятали. Закапывали в землю. Зашивали в матрацы и подушки. А тратили на себя только гроши. Остальное копилось, шло на будущую богатую жизнь, которая так и не наступила. Как (пока) и Царство Небесное. Как всегда, читатель потребует от меня подсказку с выводами и моралью. Но нет у меня никаких предложений по этому вопросу. Обыкновенный рассказ о том, что было на самом деле. И о людях, у каждого из которых свое место в обществе.

26 мая 2015 года

По цене медного лома

Нищие и старьевщики – это такие психологи, каких ни в одном институте не учат. Настоящие академики по жизни. Причем у каждого своя, индивидуальная подготовка. Вот и в случае с самоваром перед нами настоящая, истинная психология, достоверное знание человеческой природы. И только жадность иногда может подвести. Разрушить все планы. А может, это просто жизнь такая, что все расставляет по своим местам.

Жил он в развалюхах старого города. Но место было козырное. Дверь и окно выходили прямо на улицу. До центрального «Арбата» рукой подать. Соорудил он небольшой навесик прямо через пешеходную часть улицы. Полки поставил. Расставил на них всякие старинные дешевые вещи: гнутые подсвечники из бронзы, покоцанное чугунное литье, позеленевшие медные кувшины и тазики без ручек, ржавые паяльные и керосиновые лампы. А за стеклом – поломанные зонтики, ущербные фарфоровые статуэтки, тарелки из разных гарнитуров и времен с многообразием вариантов паутин и сколов, гнутые вилки, малые и большие ложки.

В общем, все, что покрупнее, на улице, на полках и прикручено проволокой. А что унести можно легко – в витрине. Сам сидит с утра до вечера перед дверью на старинном стуле и ждет покупателя. Сидит так, что, не споткнувшись

или не наткнувшись на древние раритеты и старье либо о его стоптанные тапочки, не пройдешь мимо. Обязательно внимание обратишь на раритеты. Машины мимо едут, водители и пассажиры тоже внимание на бизнес обращают. А те, кто в пробках застрял, вообще любят изучать ассортимент лавки старьевщика. Но особое место среди этого многообразия старинных вещей занимали самовары. Всегда минимум полдюжины на выбор.

Правда, товар этот так себе. Дряннь товар. И цена небольшая. Чуть поболее цены металлолома. Но можно было и поторговаться. Однако редко, когда успешно. Есть деньги – бери. Нет денег – лучше не заслоняй картину движения и изменений. Не мешай хозяину созерцать мир и его обитателей. Иногда к нему приносили всякую рухлядь. Купить предлагали. Вот здесь уж он сражался за каждую копейку. Но обычно не покупал. Да и зачем?

Свой первый капитал он сколотил на бутылках. Были у него когда-то телега и лошадь. Ездил он по всему городу, собирал бутылки. Иногда сам собирал. Чаще скупал у населения. Правда, с дисконтом, но бизнес был прибыльным. Минимум по две копейки с бутылки имел, это если не сам собрал бутылки. По тем временам деньги большие. Полбуханки серого – восемь копеек, пакет молока в пол-литра – одиннадцать копеек, а сено для лошади сам косил. Прямо во дворе в центре города его и хранил. Пока лавкой не занялся. Да и бутылочный бизнес сошел на нет, когда на же-

лезную банку все перешли да на пластик. Кому они нужны?

В паре кварталов от развалюхи нашего нищего старьевщика жила одна барышня. Татьяной ее звали. Очень она гордилась своим дворянским происхождением и древними корнями предков. Жила не так чтобы в достатке, муж умер, сын в школе весь день. Никто, правда, не помнит, где и кем Татьяна работала, но гордый вид имела. Могла и не снизойти до разговора со всякими.

Родственники у Татьяны не столько были знатны своим происхождением, сколько ее грели воспоминания о тех, кто побывал в ее старом доме в гостях на ее памяти и на памяти бабушки и мамы. А рассказать было о ком. Но главным во всей этой истории был, конечно, самовар. Старый. С медалями. На дровах. И пили из этого самовара многие люди искусства и литературы прошлого и современности. Даже настоящие, по Булгакову – «генералы от литературы». Насчет всех, конечно, не скажу, а Маяковского, Чехова, Волошина и его друзей этот самовар точно помнил.

Его, самовар этот, брали с собой в поездку в Крым. Всегда брали. Так принято было ездить когда-то: со своим самоваром. Если кто не верит, то я точно верю в существование магии вещей. Вещи как бы запоминают все, что происходило с ними и вокруг них за все время их существования. И если внимательно и умело прислушаться к таким вещам, присмотреться, то многое откроется интересного. Или прищипнет потом, после чаепития из такого самовара. И потом

все это вдруг наяву окажется правдой. Другие подтверждают, что так оно и было, а ты понятия не имеешь, откуда тебе это стало известно.

В общем, из всех ценных вещей у Татьяны к определенному времени в доме сохранился только этот столетний самовар и ее чувство избранности и превосходства над окружающими. Можно было бы даже сказать, что Татьяна и сама была хранителем этого столетнего самовара, его тайн и знаний. Если бы не один случай.

Снесла она этот самовар нищему старьевщику. Предложила купить его за недорого. Рассказала, какой это ценный и дорогой для нее предмет. И предлагает его купить совсем за немного. Но странное дело. Нищий старьевщик отказался. И пришлось Татьяне тащиться с медным самоваром обратно домой. Расстроилась. Хотела ведь новый электрический чайник купить, пока распродажа. Вернулась Татьяна домой, самовар даже в дом не занесла. Поставила под стол на веранде во внутреннем дворике и забыла о ненужной вещи.

Прошел месяц. Зашла Татьяна к родственникам пожаловаться на жизнь и на то, куда мир и нравственность катятся. А один из родственников и говорит:

– Слушай, Татьяна! Видел вчера – у старьевщика самовар на улице стоит. Такой же, как у тебя. Хотел даже купить. Хоть и пробка была, встал у края. Спрашиваю его: сколько? А он меня огорошил: «Сто тысяч». Я чуть на асфальт не сел. «Другие тоже, – спрашиваю, – так же дорого?» – «Нет, – от-

вечает. – Другие по весу. А этот сто тысяч. И бери, пока я не передумал и больше не попросил.» Я удивился, подумал, что у тебя точно такой же есть. Или это твой?

– Мой дома, – отвечает Татьяна.

А сама задумалась. Как же так? Она задешево, по цене электрического китайского чайника, хотела свой продать. А он вот сколько стоит на самом деле! Пришла Татьяна домой. Первым делом под стол в беседке во внутреннем дворе заглянула. А самовара-то и нет. Она бегом к нищему старьевщику. И точно: ее самовар стоит на полке. Начищен. Блестит на солнце. Весь в медалях.

– Это мой самовар! – заявляет.

– Нет! – отвечает старьевщик. – Это мой. Мне его знакомые принесли и продали. А твой самовар я видел. Он не так выглядел, как этот. Татьяна вдруг поняла, что что-то сделала не так.

– Продай, – говорит. – Я тебе за тысячу предлагала. Отдай за две!

– Сто тысяч, и не тяни. А то завтра продам его. Есть покупатель. Говорит, привезет сто тысяч, а самовар этот заберет.

– Да какая тебе разница, у тебя сколько таких же?!

– Вот и бери другой. Есть и дешево, по пятьсот рублей.

Через день самовар этот куда-то делся. Наверно, кто-то из тех, кто умеет разговаривать с вещами, его купил. Теперь самовар рассказывает ему за столом о тех, кто пил из него чай вприкуску с сахаром, как это было принято в старину.

И раскрывает старые тайны из жизни знаменитых людей.

29 мая 2015 года

Могли бы и мимо проехать

«Не верь глазам своим», – часто говорят, когда что-то знают и пытаются указать тебе на факт или явление с целью того, чтобы попросить тебя угадать, как на самом деле обстоят дела. И ведь не угадаете никогда. Потому что думаем мы, опираясь на собственный опыт или, в крайнем случае, на опыт, который приобрели, читая книги или посмотрев кинофильм с хорошим сценарием. А действительность всегда старается опровергнуть и наши знания и наш личный опыт существования в городском пространстве.

В центре города уже лет двадцать нельзя пройти по центральной улице, чтобы не встретить старушку со стаканчиком в одной руке и палочкой в другой. И как-то ловко у нее так получается, что без ее внимания никто не пройдет мимо. Всякого попросит помочь и стаканчик протягивает. Будете идти мимо нее два раза, два раза протянет. Три – три раза попросит. Утром будете идти, спешить куда, она уже на маршруте. В десять вечера будете проходить, и здесь она вниманием не обойдет. Ни вас, ни кого другого.

Однажды стою я на тротуаре главной улицы города и с товарищем разговоры разговариваю. И надо же так, что эта старушка в пятнадцати метрах от нас стоит и прохожих отлавливает со своими просьбами помочь кто чем может на жизнь и пропитание. И до светящегося входа в развлекательное за-

ведение ночного типа со сладким названием недалеко. То и дело крутые машины останавливаются. Пассажиры выходят и мимо старушки побирушки в дорогое ночное заведение проскакивают. И такой проход сильно облегчает охранникам проводить фейс-контроль посетителей. Ориентируются они не иначе, как на крутость машин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.